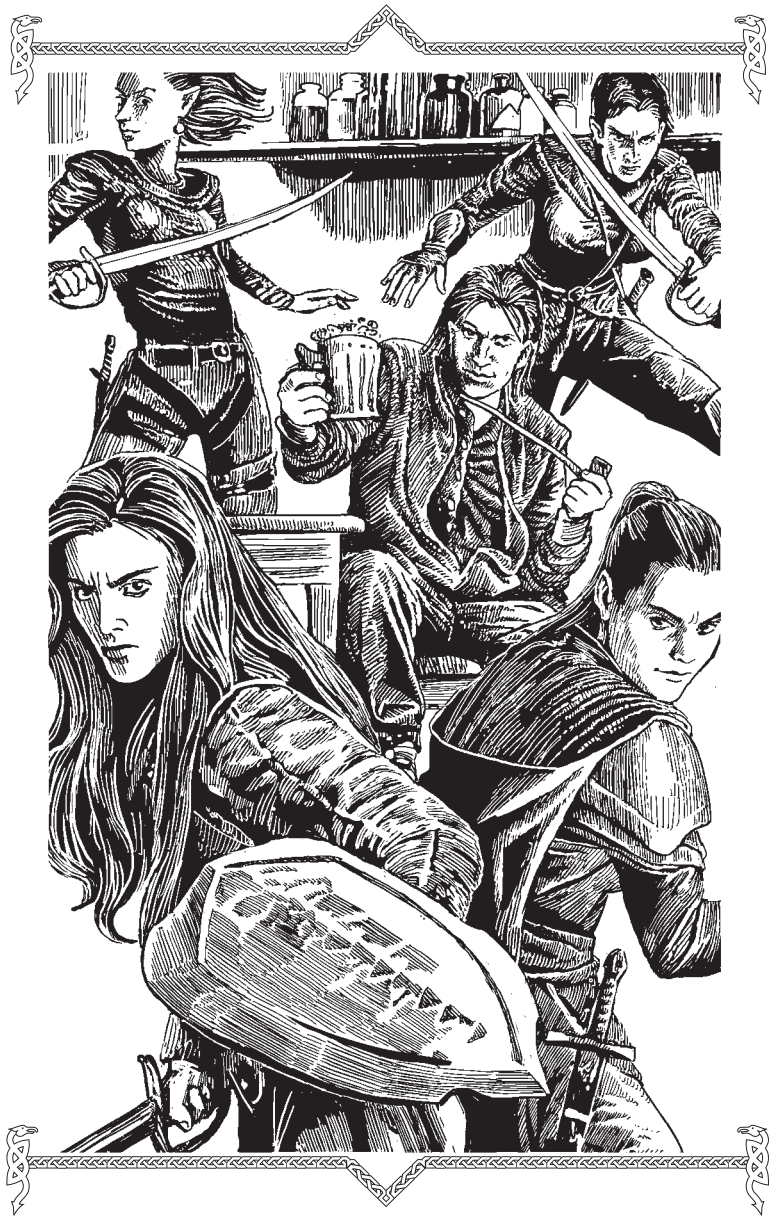

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Андрея Кощиенко
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ОДИНОКИЙ ДЕМОН. ЧЕРТ-ТЕ ГДЕ
ОДИНОКИЙ ДЕМОН. СТУДЕНТУС ВУЛЬГАРИС
ОДИНОКИЙ ДЕМОН. ЗЛАТОВЛАСКА ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ

Андрей КОЩИЕНКО

ОДИНОКИЙ ДЕМОН.
ЗЛАТОВЛАСКА ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К55

Серия основана в 2004 году
Выпуск 487

Художник
С. А. Григорьев

Кошкиенко А. Г.
К55 Одинокий демон. Златовласка зеленоглазая: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 377 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1566-3

Как сложно жить! А в чужом теле и в чужом мире — тем более. Все время происходит что-то не то. То Верховный совет магов судит за некромантию, то привязывают к Камню слез, намереваясь лишить способностей и принести в жертву демонам... Плюс еще тело, выходящее из-под контроля разума... Такое в «отключке» творит, просто слов нет!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1566-3

© Кошкиенко А. Г., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Автор выражает благодарность Андрею Буревому за разрешение использовать в данном произведении элементы его оригинального мира «Охотник».

Столица

Эстела

— Шотан леди Виленты...

Слегка изогнутый клинок в черных ножнах с негромким стуком лег на столешницу светлого дерева. Варга, которая принесла его, сделала шаг назад и замерла по стойке «смирно».

Начальница тайной стражи Этории леди Эстела несколько секунд молча смотрела на лежащее перед ней оружие, плотно сжав губы.

— Подробности, — наконец коротко потребовала она, не поднимая глаз.

— Леди Вилента убита Эриадором Аальстом вместе с тремя членами моей пятерки, включая старшую группы. В живых осталась только я и леди Нелла... — лаконично доложила варга и замолчала.

— Я сказала — подробности!

Эстела оторвала взгляд от ножен и тяжело, немигающе уставилась на собеседницу.

— Мы выполняли задание по охране Эриадора Аальста, отправленного вместе с экспедиционным корпусом для подавления мятежа, — начала рассказ варга. — К мятежникам внезапно подошла помощь, и развернулось сражение. Леди Вилента попыталась выполнить данный ей приказ, но этому помешала охрана студентов и сам Аальст, заявивший, что в нас он не нуждается. Леди Вилента настаивала, но Аальст пообещал применить силу и сжечь нас созданным огненным шаром. Леди Виленте пришлось уступить и перейти, как приказал Аальст, во внешний круг охранения.

Затем к нашему расположению прорвался один из отрядов противника. Мы отбились. Аальст вместе с Терской при-

нимали активное участие, используя заклинания. Терская потеряла сознание, и ее отнесли в фургон, однако ранений она при этом не получила. После небольшой передышки нас атаковал отряд конницы. Так вышло, что мы оказались на линии его атаки. Аальст использовал заклинания, похожие на полупрозрачные облачка черной пыли. Заклинания очень сильные, поскольку отряд вражеской конницы, в который попало такое облако, был уничтожен. После чего Аальст сам потерял сознание и упал вниз с крыши фургона. Его тоже занесли внутрь, и леди Вилента, взяв командование на себя, приказала отступать. В сопровождении остатков четвертого пехотного полка, студенческой охраны и фургона, в который уложили раненых, мы двинулись в тыл. К этому моменту на поле боя была полная неразбериха и единая линия войск отсутствовала. Поэтому, отступая, мы внезапно вновь наткнулись на противника. Отряд пехоты, прикрывающий лучников. Мы выскочили прямо на них. Лошади, тянущие фургон, пали под стрелами, а мы вступили в бой с мечниками. Врагов было гораздо больше. Вилента приказала мне с Неллой спасти Аальста, пока они помогают сдерживать натиск. Подбежав к фургону, мы увидели на его ступеньках Эриадора. Он пришел в себя, встал на ноги и вышел наружу. Он что-то кричал, а потом снова применил магию. Это было заклинание, которое действовало сразу на многих людей. Он убивал, не разбирая, кто перед ним. Уничтожил отряд имперской пехоты, вражеских лучников и мечников. Убил почти всех. Однако нам повезло, и мы остались живы. Моя пятерка и леди Вилента сражались сбоку, под заклинание мы не попали. Пока все приходило в себя от неожиданности, Аальст спустился вниз. Я попыталась поговорить с ним, но он грубо приказал отстать от него и принялся пинать мертвую лошадь...

— Мертвую лошадь? Зачем? — удивилась Эста.

— Он хотел, чтобы она встала... Леди Эстела, в тот момент Аальст был не в себе. У него внутри бурлили эмоции. Рваные, обрывочные, противоречащие друг другу. В нормальном состоянии у людей так не бывает. Он словно помешался. Еще... в нем ощущалось что-то такое... опасное. Непонятное. Я почувствовала. Мы с Неллой отступили. Тут Аальст взял и «поднял» лошадей. Сначала одну, потом всех.

— Некромантия? При всех? — сузила глаза Эста.

— Да. Причем очень быстро. Одну за другой. Без всяких заклинаний и движений, которые обычно делают маги. Просто протягивал руку с растопыренными пальцами — и все. Они вставали!

— Да уж... — с озадаченностью в голосе прокомментировала Эста услышанное.

— Потом Аальст поговорил с одной из студенток и сказал, что пойдет сражаться.

— Сражаться?

— Да. В одиночку. Леди Вилента попыталась уговорами остановить его, но он не стал слушать и, отвернувшись, отправился выполнять свое намерение. Этого было нельзя допустить. Госпожа майор приказала нам окружить и схватить его. Но Аальст нанес удар первым. По тем, кто оказался ближе к нему. Мы с Нелл заходили с флангов и поэтому остались живы. А леди Вилента и остальные...

Варга замолчала, наклонила голову и чуть развела руки в стороны.

— Дальше! — жестко приказала Эста.

— А потом он «поднял» мертвых. Очень много мертвых. И упал. Я почувствовала, что он потерял сознание, и приняла командование на себя. Мы с Неллой его подняли и потащили на себе вслед за фургоном, который мертвые лошади неожиданно понесли. Мы догнали его, когда он слетел со склона и разбился. Аальст по-прежнему был без сознания, и я не знала, что с ним делать. Вполне возможно, что ему была нужна помощь целителя, но все они были где-то там, на поле боя. Однако я понимала, что после сотворенной им некромантии отдавать его в руки магам нельзя. Мы могли бы отвезти его к другим целителям, но не знали, можно ли его брать в дорогу в таком состоянии. И потом... После того, что он сделал, оказаться один на один с ним, когда он очнется... Аальст, когда творил заклинания, был явно не в своем уме... Пока мы думали, что делать, к нам подошел имперский пехотный отряд. При нем было два мага и целитель. И Аальста взяли под усиленную охрану, отодвинув нас в сторону. Всю дорогу до столицы нас к нему не подпускали. Мы бы, конечно, попытались что-то предпринять, но леди Вилента не оставила мне никаких указаний на такой случай... Вполне возможно, это могло навредить его здоровью. Не зная, что делать, я приняла реше-

ние — просто сопровождать. Вот мы и здесь, — чуть пожав плечами, закончила рассказ варга.

— Хорошо, — кивнула Эста. — А что с Аальстом?

— Почти всю дорогу он был без сознания. Приходил в себя только на короткие промежутки времени. Терская встала на ноги на следующий день, а вот он нет...

— Что говорят целители по поводу его здоровья?

— Сильное магическое истощение. Возникает, когда маг слишком часто пользуется магией. Может пройти само, без последствий, может привести к потере способности творить магию, может стать причиной быстрой смерти... Лечить такое никто не умеет. Целители врачуют тело, но вот все, что связано с магией...

— Как сейчас его состояние?

— На момент пересечения ворот университета он был жив. Хуже ему не стало.

— Где твоя напарница?

— Караулит у ворот университета. Я поспешила на доклад.

— Хм... — Эста забарабанила пальцами по столу, обдумывая решение. — Значит, так! Сейчас я дам указание, и вас сменят. Прибудете сюда и сядете писать отчеты. Подробнейшие. Все, что вспомните. Любые детали. Что с телами наших погибших?

— Мы нашли и похоронили.

— Сообщите в архив с указанием места. Оружие и личные вещи погибших — как обычно. Сейчас подождешь в соседней комнате. Вопросы есть?

— У меня есть не отправленные вам письма леди Виленты.

— Приложишь к своему отчету. Еще вопросы?

— Нет вопросов.

— Тогда — выполняйте!

— Слушаюсь!

«Что за дурацкая идея была послать мага-первокурсника на войну?» — подумала Эста, глядя на закрывшуюся за варгой дверь.

Его же там чуть не убили! А теперь неизвестно, что с ним будет. Может и способности потерять... Впрочем, это к лучшему. Без магии с ним будет проще. Главное, чтобы тело было целое, а все остальное — не важно. Ты смотри, обещал, паршивец, научиться кусаться — научился! И быстро... Четверых

наших убил... тварь! Если бы не его предназначение — лично бы горло перерезала! За всех. А за Вилену в отдельности...

Эста опустила глаза на стол, на котором по-прежнему лежал клинок в слегка потертых ножнах.

Как же ты так... Вил? Как же ты не успела? Ты ведь всегда была осторожной... И вот теперь на столе твой меч... А тебя нет. И больше никогда...

Эста почувствовала, как у нее спазмом перехватывает горло.

«Какая ты, однако, сентиментальная стала... боевая лошадь, — сказала она себе, указательным пальцем потирая потерявший вдруг резкость левый глаз. — Стареешь, Эста, стареешь... Не первый меч перед тобой. Не первый... И не последний. Хуже всего, что не последний! Ладно, девочки, покойтесь с миром. Вы сделали все, что могли. Мы доделаем. Кишками своими обмотаюсь, если потребуется, но мужчины у нас будут! Увидите. Не зря вы жизни отдали. Не зря! И с Аальста за вас спрошу! За каждую спрошу! Вовек не рассчитается, гаденыш!»

Что с ним делать?

Небольшой круглый зал с узкими готическими окнами под потолком с тонкими коваными рамами, в которые вставлены матовые стекла. Вдоль серого с белыми прожилками мрамора стены — длинный подковообразный стол, за которым сидят члены магического совета. Перед каждым — солидная кожаная папка с документами, на которые, впрочем, они особого внимания не обращают. Маги больше заняты негромким разговором друг с другом. Только некоторые небрежно и неспешно переворачивают листки, пробегая глазами содержимое.

— Хм, хм... — прочистил горло сидящий во главе стола глава Верховного совета, — начнем, пожалуй. Все знают, зачем мы тут собрались?

Негромкий говорок, в котором слышалось «да, да, знаем», сопровождается кивками в знак согласия, разнесся над столом.

— Точно, все знают? Магистр Вонкус тоже в курсе?

Над столами раздались хмыканье, смешки, и взгляды присутствующих обратились в сторону опростоволосившегося на последнем совете магистра.

— Да, господин верховный маг, я знаю, — с достоинством ответил Вонкус, выпрямляясь.

— Что ж, хорошо.

Архимаг Влатий, глава совета, неспешно глянул сначала влево, затем вправо от себя:

— Итак... рассматриваемый сегодня советом вопрос — дело студента первого курса университета Эриадора Аальста, уличенного в использовании запрещенной магии... а именно некромантии.

— Прошу простить, что перебиваю... — приподнял правую руку ректор магического университета Мотэдиус, — но мне кажется, что слово «уличенный» применять тут не совсем правильно. Все произошло на глазах многих людей.

Мотэдиус вместе с несколькими преподавателями университета находился за столом для приглашенных, стоявшим сбоку от стола совета.

Архимаг недовольно поджал губы и пристально посмотрел на него:

— Господин ректор, мы все прекрасно осведомлены о том, насколько близко вы принимаете к сердцу дела вашего университета и судьбы ваших учеников... Но! Сейчас идет заседание Верховного совета магов империи, которым руковожу я. Поэтому прошу вас, как, впрочем, и всех присутствующих, придерживаться регламента собрания. Регламент вы можете найти в папках, лежащих перед каждым... Когда повестка дойдет до пункта «прения», каждому желающему будет дана возможность высказаться... А пока давайте двигаться согласно плану...

— Прошу прощения, господин глава совета! — Мотэдиус положил поднятую руку обратно на стол и на пару секунд уважительно наклонил голову.

Влатий неспешно кивнул ему в ответ и продолжил:

— Как вы знаете, имело место применение массовой некромантии, что является грубейшим нарушением запрета нашей гильдии и законов империи и однозначно требует самого сурового наказания... Однако при внимательном рассмотрении на первый взгляд совершенно ясного и понятного дела возникает ряд вопросов, которые нуждаются в ответах... И от того, как мы на них ответим, будет зависеть и мера наказания,

и дальнейшая судьба студента магического университета князя Эриадора Аальста...

Итак, первое, на что я хочу обратить внимание уважаемого совета, это то, что действия свои Эриадор совершил, как правильно заметил здесь господин ректор, на глазах многих людей. Поэтому свидетелей много, и, если мы захотим сделать вид, что ничего не произошло, это нам не удастся... Это раз.

Второе. Все произошло в момент сражения на поле боя, и заклинания были направлены против врагов империи. Согласно рапорту командующего корпусом, орда мертвецов, напавшая с тыла на мятежников, оказалась тем самым внезапным фактором, который переломил ход сражения и позволил одержать экспедиционному корпусу победу. Требуется ответить на вопрос — является это смягчающим вину обстоятельством или нет, а если да, то насколько?

Третье. Согласно показаниям свидетелей, Аальст находился в гуще сражения с самого начала до того момента, пока его в бессознательном состоянии не вынесли с поля боя. Налицо проявление доблести воина. Очевидцы утверждают, что Аальст одержал победу в дуэли с вражеским магом. Для первокурсника это, несомненно, значительный результат. Вопрос: достоин он награды за эти деяния или нет?

Четвертое. Аальст, применяя заклинания массового характера, уничтожил остатки отряда имперской пехоты, которая из последних сил сражалась с превосходящими силами противника. Кроме них им убиты варги его охраны. Как он утверждает, произошло это, когда он находился в состоянии помутненного рассудка. Вопрос: считать ли это обстоятельством, отягчающим вину, и если да, то насколько?

Пятое. В результате перенапряжения, которому он подверг себя в сражении, Аальст потерял способности и теперь никогда не сможет быть магом...

Над столом совета пролетел легкий шепоток.

— Ситуация, когда благородный дворянин получает увечья или раны на поле боя, случается не впервой, и что делать в таких случаях — известно. Однако сейчас целители бессильны. Вернуть способности магу они не в состоянии...

В зале на несколько секунд установилась неприятная тишина. Тема о магах, потерявших способности, была не то чтобы под запретом... но очень непопулярна.

— Пусть Аальст молод, руки-ноги у него на месте, и он вполне способен найти себе занятие, способное его прокормить. Однако я думаю, что внезапная смена жизненных целей для молодого человека может оказаться весьма болезненной... Я категорически против того, чтобы члены гильдии магов из-за сложившихся жизненных обстоятельств побирались, занимаясь наемной работой, или пытались найти свое место пусть среди сильных и смелых, но умственно неразвитых воителей. Поэтому еще раз повторяюсь, отвечая на раздающийся порой вопрос о необходимости перечисления налога в фонд гильдии — мы не можем бросать без средств к существованию наших коллег, сражавшихся с нами плечом к плечу под знаменами империи, которым просто немного не повезло... Это совершенно невозможная ситуация. Все знают, что в гильдии магов существует ряд незыблемых правил, которые не нарушаются никогда. Одно из них — любой маг, не совершивший преступлений против гильдии и империи, всегда будет иметь: помощь целителя, крышу над головой и кусок хлеба, вне зависимости от того, насколько этот маг ценен... По существующим законам Аальст имеет право на пенсию... Нам с вами тоже нужно будет рассмотреть этот вопрос и вынести свой вердикт...

Архимаг неспешно обвел взглядом присутствующих, ища в них понимание. Ответом ему стали одобрительные кивки и взгляды, полные согласия.

— Вот основные пункты, которые мы должны сегодня рассмотреть, а также необходимо дать ответы на вопросы, изложенные в них... Итак, повестка озвучена, теперь переходим к обсуждению. У кого есть вопросы — задавайте.

— А скажите, магистр Николас, — сразу воспользовался предложением один из членов совета, — в документах сказано, что своим ученикам вы преподавали только азы. Конкретно — «подъем» только одного покойника. Откуда ему известен вариант заклинания, действующего на многих умерших? И откуда у вашего подопечного столько сил? Ведь чтобы поднять такое количество трупов, просто необходим уровень архимага!

— Что я могу сказать? — развел руками Николас, сидящий рядом с ректором за гостевым столом. — Не знаю. Эти вопросы Эриадору задавали многие, в том числе и дознаватели.

Вразумительного ответа никто так и не получил. Говорит, помнит, что что-то делал, а почему и как — не помнит. Вообще хочу сказать, что как ученик он был весьма талантлив. Все буквально с первого раза схватывал. Вполне мог сам додуматься, как изменить заклинание. Очень жаль, что парень «сгорел». Очень перспективный был бы маг... А про силу я вам ничего не скажу. Не знаю.

— Да? Спасибо. Хотя все это весьма странно. А что у него со здоровьем? Тут написано: «периодически теряет сознание». Это правда?

— Да, — хмуро ответила тоже приглашенная магесса Элеона. — Последствия перенапряжения оказались крайне разрушительны для его организма. Само тело и все органы здоровы, но вот с нервной системой, которая по всем показателям тоже в норме, что-то не так. Эриадор беспричинно проваливается в беспамятство. Пока его везли до столицы, говорят, он практически не приходил в себя. Здесь приступы стали не такими частыми. Последнюю неделю их вообще не было. Надеюсь, что больше они не повторятся. Но нужно понаблюдать, поскольку причина их неизвестна. Магесса Аканта, которая его осматривала, тоже не смогла сказать ничего определенного. Похоже, это как-то связано с его магией. А если точнее — с потерей способности к ней. На сегодняшний день Аальст условно здоров. С логикой у него все в порядке, мыслит и рассуждает здраво. Вот все, что могу сказать в общих чертах...

— Благодарю вас, госпожа магесса, — кивнул ей Влатий. — А какова вероятность того, что его способности к нему вернуться?

— Ни-ка-кой! — бодро отчеканила в ответ Элеона. — Поскольку никто не может мне сказать, что такое магия и как она взаимодействует с человеком, — ни-ка-кой! Случаи потери способностей происходят достаточно редко и, как следствие, изучены слабо. История показывает, что, лишившись магии, ее не вернуть. Да что там далеко ходить за примерами? Когда отступников лишают силы на Камне слез, никто ведь снова магом не становится.

При этих словах целительницы глава совета слегка поморщился.

— Хотя, — продолжила магесса, — существуют легенды, что кто-то когда-то вновь обрел магию. Но все это, повторяю,

на уровне легенд. Документальных подтверждений я не имею. Может, где-то и у кого-то они есть, но у меня их нет. Поэтому...

Магесса, пожав плечами, картинно развела руками.

— Короче говоря, — подытожил архимаг, — прогноз неопределенный, но юноша здоров и может присягнуть клятвой крови на верность императору и империи...

— А этого я не говорила, — ответила Элеона. — Совершенно не представляю, что с ним произойдет в момент принесения клятвы. Это же магический ритуал! Как он на него подействует? Он может легко убить Аальста.

— Но вы же сказали, что он здоров?

— Тело — да. А все, относящееся к тонкой материи, — не знаю. У меня есть подозрение, что мальчик чудом выжил, пока его везли в столицу. Если опять рубануть по едва зарубцевавшейся ране, вполне вероятно, что второй раз он не вытянет. Надеюсь, я понятно говорю?

— Да, — кивнул архимаг, — вполне. То есть любые магические воздействия на него сейчас нежелательны?

— Лично я бы не стала рисковать. Это все, что я вам могу сказать.

— Хорошо. Благодарю вас, магесса.

Элеона склонила голову, прижав подбородок к груди. Архимаг задумался на несколько секунд.

— А пригласите сюда господина Эриадора, — внезапно сказал он, обращаясь к двум молодым магам, стоящим возле дверей в зал.

Эри

Сижу. Никого не трогаю. Примус, правда, не починаю, а разглядываю большую двухстворчатую дверь, ведущую в зал, где в данный момент заседает Верховный совет магов. Думают, что со мной делать. А что со мной делать? Кормить, любить, холить и лелеять... И гладить по шерстке... А больше ничего со мной делать не надо. И так я пострадамши и ободрамшись... Сходил, называется, на войнушку! Фургон про... шляпил! Очнулся в какой-то трясучей телеге на жалком пучке сена.

— А где? — не понимая, интересуюсь я судьбой своего передвижного дома.

— Он разбился, — печально отвечает, склонившись надо мной, Стефи.

— Как разбился?

«Самолет, что ли?» — думаю про себя.

— Мертвые лошади понесли вниз по склону. А внизу большой камень. А они так разогнались. И налетели... Там только доски остались... Раненые, которые были в фургоне, разбились...

— А ты как? — поинтересовался я. — Ты ведь в фургоне была?

— Мне стало лучше, и я вышла наружу. Раненым нужны были места...

«Да, — подумал я, когда услышал эту скорбную весть, — вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Старался, чтобы крепче сделали. Достарался! Будь конструкция похлипче, глядишь, там колесо бы отвалилось, или ось бы на скорости развалилась... перевернулся бы, да и все дела. Починил бы... а тут...»

Перед внутренним взором картина стремительно несущегося под гору черного фургона, мельтешащего спицами огромных колес... Приближающийся серый здоровенный камень с острыми краями... Первыми в него грудью врезаются мертвые, механически переставляющие ноги лошади, сзади на них неотвратно надвигается громада фургона. Удар! Треск! Грохот! Разлетающиеся во все стороны доски, колеса, вещи, куски тел лошадей и людей... Кровища во все стороны!

«Пожалуй, чинить там нечего, — представив себе момент гибели моего детища, подумал я. — Проще новый сделать». Где только денег взять? И колечки ведь не продашь. Все кристаллы, которые я получил у местного демона, остались в фургоне. Большой — как амулет облегчения веса, два поменьше — бытовые амулеты сбора и нагрева воды. Вот кто-то поживится, когда найдет... Ладно хоть, гитара и чаки у меня в пространственном мешке были. Тоже ведь кто-нибудь нашел бы. Но с хранилищем нюанс. Магия у меня пропала! Нету — и все! Ничего не могу сделать! Ни в мешок залезть, ни элементарно щит поставить. По нулям!

«Прэ-элестно, просто прэ-элестно», — прокомментировал я себе, сделав это открытие. Значит, вернулся к тому, с чего начал. Голая черепашка без панциря, в чужом, враждебном

мире. Только вот со здоровьем у меня при старте было получше. Не то что при нынешнем камбэке.

Я банально выключался, как барахлящий Терминатор. «Пи-иу-у...» — и мир вокруг меня стягивается в одну точку. Прихожу в себя и обнаруживаю, что лежу то в своей комнате, то в университетской больничке... Куда ближе, туда и оттачивают. Просто феерия... За ворота не выйти. Очнешься потом голенький в канаве, вот смеху-то будет! Алистера точно посмеется. Она тут, воспользовавшись моим недомоганием, попробовала было зубки на мне поточить, красотка злопамятная. Так, ерунда. Небольшой наезд, вызванный желанием самоутвердиться и припомнить былое. Я это так квалифицировал. Но Стефания оценила его по-другому.

— А ну убирайтесь отсюда!

Пока я прикидывал, какой завуалированной колкостью ответить на эскападу красавицы в красном, Стефи выскочила вперед, загораживая меня собой. Прижав подбородок к груди, она смотрела на Алистку и ее компанию из-под бровей, агрессивно набычившись. Та попыталась было перевести разговор в плоскость «а ты ва-а-аще кто такая?» с таким вселенским презрением, но тут у Стефи заструились на невидимом ветру волосы и почему-то стало как-то неуютно.

— Стефи, стой! — заорал я, вспомнив, где я уже это видел. — Успокойся!

Теперь я выскочил вперед, загородив Стефанию спиной и расставив руки в стороны.

— Исчезли отсюда! — рявкнул я на застывшую передо мной компанию. — Если жить хотите! Не злите повелительницу Тьмы!

Те, на удивление, спорить не стали и смылись быстро-быстро. Словно вампиры, увидевшие восход солнца. Озадаченный такой сговорчивостью, я обернулся. Ба-а! У Стефи абсолютно черные глаза! Ни зрачка, ни белка. Все залито Тьмой.

Ясно теперь, почему они были так шустры. А не последовать ли мне за ними? Это вообще Стефи или... кто?

«Алле! Ты дома?» — мысленно обратился я к ней.

«В смысле?»

«Ага! Живые есть. Ладно... Что у тебя с глазами?»

«А что у меня с глазами?»

«Так. Понятно... Проехали. Ты чего так разволновалась?»

— А что они... себе позволяют?! Пользоваться тем, что человек болен и не имеет сил постоять за себя! Это подло, гадко, мерзко! Так благородные люди поступать не должны! Пусть только еще попробуют! Я не дам им оскорблять моего друга!

Тьма в глазах Стефи стала светлеть, кончики развевающихся волос опустились вниз, и солнечный свет стал поярче.

— Гм... спасибо, конечно, но ты их только что чуть-чуть не убила...

— Я?

— Угу. Ты, пожалуйста, не волнуйся. Обойдемся без жертв. А университет оставим целым.

Вопросительный взгляд в ответ.

Стефания была, как говорится, вся на нервах. Конечно, а что тут удивительного? Засунуть девочку в гущу сражения, где она за полчаса увидит смертей столько, сколько домашней девочке не увидеть и за тысячу лет, и при этом рассчитывать, что психика у нее никак не изменится, — это верх оптимизма. А точнее — кретинизма. Плюс еще — сама там убивала. Тогда, во время покушения на площади она еще не знала, чем ее закливание закончится, а здесь — осознанное решение. Потом я всю дорогу пытался дать дуба... Очень боялась, что я у нее на руках умру. Вернулись в столицу — тут тоже напряг. Как я понял, Стефи все же втайне надеялась, что ее ждет письмо от принца. Облом-с... Динию не до провинциальной баронессы.

А меня светила местной медицины записали в инвалиды магического труда. Даже Аканта посетила. Ой, что было! К встрече целительницы готовились... ну не знаю, с чем сравнить... Наверное, как к встрече императора. Бегали, сутились, драили, прихорашивались. Целители так вообще чуть ли не в мыле были. Только что пар со спин не валил. Энтузиазма было столько, что его количество стало переходить в качество. В идиотизм. Пиком, пожалуй, стало явление второкурсниц с охапками цветов с целью украсить ими мою комнату и кровать. Они что, думают, что я знаменитую врачевательницу у себя принимать буду? Чаем с плюшками поить? Ага, щас! Меньше чем на главный балльный зал университета я не согласен! Я на ложе под балдахином, по центру, в окружении плотного кольца студентов и преподав. Пусть все видят! Да! И не забудьте заказать оркестр!

— Это, конечно, все очень мило, — сказал я тогда этим цве-

точницам, стоя на пороге своей комнаты и упершись ногой в косяк, дабы не ворвались, — только я предпочитаю живые цветы. Но, к сожалению, кровать у меня недостаточно большая, чтобы разом вместить весь дивный розарий, возникший у моих дверей. Мой недочет. Приходите позже, когда я ее смею хотя бы на двуспальную!

И дверь захлопнул, оставив их озадаченно думать — чего это я им такое сказал?

Великая целительница оказалась невысокой, чуть полноватой, жизнерадостной теткой. Отличная кожа, блестящие волосы, белые ровные зубы. Яркие, живые глаза. Словно ей двадцать лет. И характер такой же — с удовольствием похихикает. Магесса Элеона, сопровождавшая ее, выглядела как чопорная английская старуха. Смотрели все на Аканту как на богиню. Стефи, которой я организовал контрамарку на присутствие рядом со мной, так вообще чуть ли не молитвенно руки на груди складывала. Ну, посмотрела Аканта меня, посмотрела, пальчиком туда-сюда потыкала... Констатировала — да, было, было! Правда... Но все куда-то делось... Куда — не ясно. Однако это и до нее известно было. Посоветовала больше бывать на воздухе, больше двигаться и хорошо кушать. Очень милая тетка.

Как только целители ослабили свою хватку и дали добро на общение — косяком пошли дознаватели. Расспросы, допросы, подозрения, слухи и сплетни по всему университету... В общем, как и предполагал, мне сшили дело по некромантии. Я, собственно, не удивился. Все было понятно с самого начала. Славно я там оторвался. Правда, концовку не помню толком. Но вот четвертый пехотный... Жаль. На зубах, можно сказать, ползли, почти вылезли, почти выжили... И тут я всех внезапно замесил в одну кучу! Нехорошо получилось. Но что поделать? Жизнь есть жизнь... Не в себе был...

За решетку меня не посадили. Ограничили передвижение стенами университета да приставили охрану присматривать. Ну а в принципе-то? Зачем меня в тюрьму? Зарядка сломана, батарейки разряжены — отжечь ничего не получится. С головой плохо — на ровном месте падаю. Угрозы окружающим никакой. Поэтому два охранника вполне достаточно для моей персоны. Тем более что бежать в моем состоянии — себе дороже. В общем, так я два с лишним месяца в обнимку с целите-

лями и дознавателями и провел. Можно готовиться к написанию сочинения о бездарно проведенном лете, ибо июль почти закончился... Все планы прахом...

Звук открывшейся двери прервал мои мысли. В комнату, где я коротал время на небольшом мягком диванчике с синей парчовой обивкой, вошел молодой маг в красной мании.

— Господин Эриадор, прошу вас проследовать в зал совета, — сказал он и показал рукой в сторону открытой двери. — Вас приглашают.

«Ну, приглашают так приглашают», — подумал я, поднимаясь с дивана.

— Благодарю, — кивнул я магу и, подойдя к высокому зеркалу в стене, одернул камзол. Одежду я выбрал не «за», а «вопреки». Правильнее было прийти в зеленом, создавая образ белого и пушистого, но я был весь в черном. Костюм темного мага для официальных мероприятий: черный, блестящий серебряными нитками камзол с высоким воротником-стойкой, штаны такие же черные с серебряной ниткой. Полусапожки из мягкой кожи, ножны на левом боку цвета тьмы и темно-синий пояс с большой серебряной пряжкой. Единственное «светлое исключение» — шейный платок ослепительного белого шелка, заколотый заколкой с большим прозрачным камнем. Строго, стильно. На груди — знаки доблести: награда «За заслуги перед империей первой степени», значок «Почетный студент ИМУ», значки темного и целительского факультетов. Не богато, но и не сирота.

Ровным, неспешным шагом вошел в зал. Несколько десятков пар глаз внимательно и оценивающе смотрели на меня. Я тоже пробежал взглядом по составу совета.

М-да... Молодым совет, пожалуй, не назовешь... Сколько благородной седины...

— Эриадор Аальст? — поинтересовался глава совета явно для проформы. Я уже имел с ним три пространных разговора. В университете.

— Имею честь быть им, — ответил я, делая уважительный полупоклон, адресованный всему совету.

— Господин Аальст! Верховный совет магов практически в полном составе собрался здесь, чтобы обсудить степень вашей вины и определить вам наказание за нарушение законов гильдии... Вам есть что сказать по этому поводу?

— Конечно! — ни секунды не раздумывая, громким голосом ответил я. — Пользуясь моментом, в присутствии членов Верховного совета, я заявляю — я невиновен по всем пунктам!

Послышались удивленные возгласы и звуки, которые издают вытянутыми губами, типа «пфую-у-у... (ну нахал!)».

— Пункт в обвинении у вас только один... некромантия... — И хмурый взгляд на меня. — Прошу вас уменьшить выражение эмоций... Давайте конкретно и по делу. Итак, у вас есть что сказать в свою защиту?

— Есть, ваша светлость! Я невинная жертва чудовищного стечения обстоятельств, оказавшаяся в скверное время в скверном месте. Только это и ничто другое вынудило меня нарушить высокочтимые законы гильдии...

Я сделал паузу, давая информации впитаться в мозг слушателей и смотря на их реакцию. Глава молчал, не торопя меня. В зале на несколько секунд стало тихо.

— И что же это были за обстоятельства, заставившие вас преступить закон? — нарушил тишину один из магов совета, видимо расценив ее как позволение задавать мне вопросы.

— Отряд вражеской конницы. Очень быстрый отряд с очень острыми пиками. Когда я увидел, что он несется на нас, а у меня в руках нет даже подушки, чтобы в них кинуть, я швырнул в них первое, что пришло в голову. И это оказался совсем не свод законов поведения мага...

Над столом возникло оживление, сопровождаемое чуть слышными смешками и улыбками.

— Очень жить хотелось, — максимально честно сказал я, улыбнувшись, как я надеялся, искренней улыбкой. — И мне, и шести девушкам-дворянкам за моей спиной. Раздумывать было некогда. Ну и вот... что вышло, то вышло...

Я сокрушенно развел руками. По залу пробежал одобрительный шепоток.

— Вы сейчас говорите о другом, — раздался голос с другой стороны стола. — Против конницы вы использовали одно из темных заклинаний, а не некромантию. Мы хотим услышать, что именно вас сподвигло на поднятие мертвецов. Тогда, судя по показаниям свидетелей, конница на вас не нападала!

— Ах, вы об этом случае... — Я скорбно наморщил нос. — Прошу простить меня, высокоуважаемый совет, но вот как раз об интересующих вас событиях я сам узнал, как говорит-

ся, из третьих рук. После атаки конницы я потерял сознание и, говорят, упал с крыши фургона на землю. Вроде бы я несколько раз потом приходил в себя... Однако что именно делал я в эти моменты... и почему... рассказать я вам не могу. Просто не помню! Единственное, что всплывает в памяти, что кто-то сильно шумел... А так... Больше ничего...

Я опять развел руками и для комплекта пожал плечами.

— Откуда вам известны примененные вами заклинания?

— Меня научил им мой отец... (Все на него спишу!)

— У вас разрешена некромантия?

— Вы знаете, у нас вообще очень мало магов. Кроме членов нашей семьи, я больше никого не знаю. Только сейчас, попав к вам и увидев разом столько людей, владеющих магией, я понял, что гильдии магов у нас нет. Наверное, потому, что магов просто мало. И никто не следит, кто из них что делает...

Над столом совета возник гул голосов. Совет обсуждал услышанное.

— М-да... ну хорошо...

Конечно, хорошо!

— Однако вы вполне могли использовать другое заклинание...

— Если бы я знал какое-нибудь другое массовое заклинание, то да! — честными глазами глядя на спросившего, ответил я. — Если бы меня научили чему-нибудь перед тем, как отправить на войну, то конечно же — да! Вы можете поинтересоваться у присутствующего здесь господина Мотэдиуса о том, из чего состоит арсенал заклинаний первокурсника. Он вам подтвердит, что боевых заклинаний в нем нет!

Мотэдиус под взглядами совета кивнул, подтверждая мои слова.

— Вполне возможно, что наше присутствие при подавлении мятежа было продиктовано весьма вескими причинами, о которых я не знаю, но то, что мы не пошли на смазку для мечей, это просто какое-то чудо... — непонимающе развел я руками и продолжил, озвучивая совету встречную претензию: — Вообще посылать на войну тех, кто только стал магами, очень странная практика. Конечно, я недавно в вашей стране и, вполне возможно, чего-то не понимаю или не знаю, но все равно мне кажется это очень и очень странным.

В зале вновь установилась тишина.

— Да! А собственно, почему их послали? — с удивлением спросил ветхий старичок-воздушник, нагибаясь к столу и выглядывая из-за своих соседей на главу совета. — Действительно странная идея. Зачем это было нужно — отправить первый курс на войну?

Все завозились, заскрипели стульями и стали поворачиваться к своему главнокомандующему, не спешившему отвечать. Похоже, всем это было непонятно и всех действительно интересовал вопрос: кто придумал эту дурь?

Однако архимаг отвечать на вопрос не спешил. Нахмурившись, он сидел за столом, сцепив пальцы. Пауза.

— На этот вопрос я отвечу позже, — наконец открыл он рот и тут же недовольно поджал губы.

В совете недовольно и недоуменно загудели. Что значит позже?

— Так! — перебивая их, громко произнес глава совета. — Закончим с этим. Скажите, Эриадор, как вы сами думаете, заслуживаете вы наказания или нет?

— Конечно же нет! За что меня наказывать? Послали на войну — поехал, как верный присяге дворянин. Приехал, стойко нес тяготы войны — мерз, голодал, сидел в грязи под стрелами, выполняя долг. Пришлось вступить в бой — сражался в меру сил и способностей. Ну напуделял... Так это от недостатка опыта, и ранен в голову был! Но с поля боя не бежал. Сражался до последнего, сколько мог. Говорят, даже очень неплохо сражался. Да и потом, как меня наказать? Самое страшное для мага — потерю способностей — я получил, сражаясь за императора. Теперь вот инвалид. Чем меня еще можно наказать? Только голову отрубить или за решетку посадить. Ну не знаю... кому и чем это поможет...

В зале установилась продолжительная тишина. Архимаг сидел, скривившись, члены совета хмурились, обдумывая услышанное.

«Если бы ректор сейчас вскочил и закричал, вытянув руку вперед: «Свободу Эриадору Аальсту!», его бы поддержали», — усмехнулся я про себя, представив эту картину.

— Хорошо, — наконец сказал глава совета. — Я думаю, что у совета вопросов к вам больше нет. Вы можете идти. Есть ли у вас какие-нибудь просьбы, жалобы?

— Жалоб нет, есть просьба.

— Я вас слушаю.

— Очень хочется узнать, кому я обязан столь крутым поворотом в своей судьбе, лишившим меня способностей. Скажите, кто отправил меня на войну?

Гробовая тишина в зале. Влатий пристально смотрит мне в глаза.

— Что ж, вы имеете на это полное право, — наконец произнес он. — Приказ о направлении первого курса целителей вместе с экспедиционным корпусом подписан императором...

Некоторое время спустя в том же зале

— Я считаю, что император, принимая решение за Верховный совет магов империи, нарушил договоренности... Это ломает сложившийся порядок вещей, что при попустительстве в дальнейшем может привести к большим проблемам. Одно только то, что ректор университета без раздумий выполняет указания императора, не получив на это одобрение совета, является иллюстрацией этих возможных проблем...

— Я еще раз повторяю, что на документе была подпись вашего секретаря! — зло сказал Мотэдиус, стукнув костяшками пальцев, сжатых в кулак, по столу.

— А я вас еще раз спрашиваю: что, секретарь тут всем руководит? — не менее зло ответил ему Влатий, сощурился. — Или, может, все же избранный глава совета? Вы допустили преступную глупость, выпустив такие таланты из рук и отправив их на какую-то мелкую войну. Это ваша вина! Да! Ваша вина! И вина всех окружающих, кто не пожелал хоть на минуту задуматься, чем это может закончиться!

— Я выясняю происхождение этой подписи и как это прошло мимо меня, — после небольшой, но напряженной паузы произнес Влатий, уводя разговор в сторону. — И пока получается, что, похоже, кто-то на себя слишком много берет либо считает себя чересчур умным!

Настороженная тишина в зале.

— Хорошо, давайте заканчивать, — выдохнув, сказал глава совета. — Лично мое предложение в отношении Аальста — делать вид, что ничего не произошло, что, впрочем, так и есть. Парень действительно оказался в ненужное время в ненуж-

ном месте. Однако повел себя достойно, и я не вижу ничего, что можно было бы поставить ему в вину...

— А некромантия? Белый орден будет возмущен, если Аальста оправдают... — произнес кто-то сбоку.

— Меня меньше всего волнует мнение ордена по данному вопросу! — резко обернувшись к говорящему, яростно прошипел Влатий. — Пусть они хоть все на дерьмо изойдут, но мы будем принимать решения, нужные нам, а не им! Всем ясно?

Совет одобрительно закивал головами, поддерживая своего предводителя: да, да! Так, мол, их!

— И вообще, мне последнее время кажется, что наша гильдия пребывает в каком-то излишне благодушном настроении. Хотя особых поводов к этому я не вижу! Одно только то, что отправленные с маршалом Шайву запросили помощи, не сумев ничего сделать против магов мятежников, заставляет задуматься: а так ли все хорошо у нас, чтобы предаваться благоственным настроениям. А? Я вас спрашиваю, уважаемый совет?!

Ответом послужило молчание.

— Значит так, — тяжело сказал Влатий, — никакой вины Аальста нет. Тут больше нашей вины. Не сумели организовать, не сумели защитить... защитить, по сути, детей! Хоть они и считаются взрослыми, но пока они еще в душе сущие дети... Вот вам результат! Аальст потерял способности! А ведь это первый радужный за Хель знает сколько лет! И мы его так бездарно «сожгли» в банальном мятеже, участвуя в чьих-то интригах... И что, мы сильнее в результате стали? Или, может, мудрее? А? Что мы приобрели с того, что послали нашу молодежь на бойню?

Совет угрюмо молчал.

— Постановляю: все, кто там был, достойны награды! И награждены они будут вне зависимости от того, кто и что думает по этому поводу! Что касается Аальста... награды он достоин не меньше, а даже больше остальных... Но! Наша гильдия является опорой и основой империи. И на нас лежит гораздо большая, чем на ком-либо другом, ответственность за ее покой, да, впрочем, и за само ее существование... Появление магов, владеющих заклинанием порталов, наводит меня на мысль, что в ближайшее время у нас будут проблемы. Да, мы можем пойти наперекор всем и объявить Эриадора геро-

ем. И это будет справедливо! Однако, судя по всему, сейчас совсем не тот момент, когда стоит начинать выяснение отношений. Способность перебросить через порталы войска в любое место выглядит совсем не шуткой, а удар, под который попал корпус Шайву, выглядит как проба сил. Считаю, что перед лицом возможной войны империи требуется единство. Нам нужно сосредоточиться на проблеме порталов, а не на конфронтации с орденом и императором... Но и прогибаться нам тоже не стоит. Поэтому: делаем вид, что ничего не произошло. Аальста не награждаем, но и не наказываем. Он по-прежнему член гильдии, и по ее законам ему, как инвалиду, назначается пенсия. На все вопросы о произошедшем отвечаем молчанием или фразой, что это наше внутреннее дело. Если, к сожалению, я окажусь прав, то в ближайшее время всем станет не до Аальста... А с императором я поговорю...

Интриган

— Эх! Сорвался! А ведь еще бы чуть-чуть — и его бы выперли из гильдии! — Марсус разочарованно махнул перед собой здоровенной рукой, заканчивающейся не менее здоровенным кулаком.

— Что тебя так взволновало?

Прехорошенькая стройная девочка лет четырнадцати, с ослепительным водопадом ярко-золотых волос за спиной, перевела взгляд на бога войны.

— Да, я тут такую комбинацию рассчитал! Узнал, что он будет на войне, организовал переброску подмоги осажденным. Порталы открыл. Мира! Он у меня чуть не сдох! Честное слово, вот чуть-чуть! Сначала его два раза чуть не убили, потом он едва не умер в дороге. Смотрю — вот оно! Все! Помер наш демон! Нету больше его! Но нет... Опять встает! Все выкручивается, выверчивается, все выскальзывает, словно обмылок... Тьфу! Ну, хоть из гильдии выгонят, думаю, варги тогда его враз подберут и к себе утащат — до смерти затрахают. Нет! И тут сорвалось! Что ж это такое творится?

Бог войны недоуменно-обиженно расставил в стороны лопаты ладоней.

— Марсус! Выбирай выражения! Мне, как богине любви,

режет слух твое солдафонское определение великого таинства...

— Ха! Таинство! Ты не видела, как врываются в осажденные города? Там такое тогда таинство на улицах начинается!

— Все. Я обиделась. Девочке моего возраста не подобает слышать подобное!

— Гы-гы! Девочка!

— А по поводу избранного... — Уходящая богиня оглянулась на Марсуса через плечо. — Мой тебе совет — не связывайся! И доживешь до конца света! Ты разве не понял? Его же пророчество защищает! Ты можешь делать что угодно, но, пока это не мешает его осуществлению, ничего тебе не будет. А вот если подойдешь поближе, чем разрешено... Тогда я твоего пошлого юмора больше никогда не услышу... Понятно?

— Да ладно! Я его почти дожал!

— Вполне возможно, что то, что ты сделал, нужно было для того, чтобы неизбежное свершилось... Ты фантазер, — хмыкнула, исчезая, Мирана.

Письма по городу мчатся...

Император Альвеар Хайме стоял у большого окна и, глядя в него, с удовольствием постукивал по левой ладони вскрытым конвертом. Письмо было долгожданным. Уже тридцать с лишним лет имперская канцелярия с упорством идиота, пробивающего собственной головой стену, ежемесячно отправляла письма в Вечный лес. Писала, предлагая эльфам дружбу, деньги, товары, войска — короче, любовь до гроба, или, как говорят на Земле, взаимовыгодное сотрудничество. От эльфов империя в лице императора желала получить только одно — знания. Или эльфийских целителей, владеющих светлой магией жизни (так называлось это умение в фолиантах, оставшихся после древних). Не то чтобы Хайме так уж боялся смерти, но с каждым прожитым годом умереть хотелось все меньше и меньше.

«Привычка к жизни, — иронично усмехнулся краем рта император, — эта странная привычка к жизни... Мне уже скоро сто лет... Сто лет! Вроде только вчера было двадцать пять, и вот — сто лет! Просто ум за разум заходит...»

Естественно, как у императора у Хайме были самые луч-

шие целители в империи. И проблем пригласить целителей из других стран, понятное дело, тоже не было. Проблемы были в возрасте. Да, можно было омолодить тело, вернув десять-пятнадцать лет. Да, можно было сделать это раз, и два, и три, и четыре... Но ничто не может повторяться вечно. Если тебе уже почти сто лет, то вернуться можно только в восемьдесят. А если сто двадцать?

«Ах, ваше императорское величество, вы прекрасно выглядите для своих ста лет!» — тоненьким голоском передразнил молоденькую красавицу, одну из многих, постоянно появляющихся на балах.

Да, так и будет, сто лет... это... сто лет!

Проблема была еще в том, что ничто не проходит бесследно, как говорила Аканта. Расплатой за магическое вмешательство было то, что в какой-то момент тело переставало на него реагировать и начинало стремительно стареть, за два-три года проходя путь тех двух-трех десятилетий, которые отведены обычному человеку на старость. Причем этот момент был сугубо индивидуален и зависел от конкретного человека. Никто из целителей не мог сказать, когда это произойдет. А начинался процесс старения после очередной попытки омоложения. Так что со временем сеансы омоложения уподоблялись броску игральных костей, а что на них выпадет — знали только боги.

«Сатия знает... — продолжая задумчиво постукивать конвертом по ладони, подумал император. — ...Знает только богиня судьбы...»

Ну не умели имперские целители заставить тело забыть свой реальный возраст, который оно помнило, как его не омоложивай! А вот эльфийские могли! И предсказать результат омоложения они тоже могли. Не нужно было каждый раз рисковать, опасаясь скоропостижной смерти. Поэтому так и настаивал император, требуя от своих министров и советников скорейшего установления дипломатических отношений. Эльфы же дальше небольшой торговли на границах своего леса не шли. Ни сами в империю не ездили, ни к себе не пускали. Причем никого не пускали. Ни караваны купцов, ни одиноких путников. Никого. Доподлинно было неизвестно, кто их обидел или на что они обиделись, но такое положение вещей тянулось (если судить по летописям) чуть ли не с Вели-

кой войны. Но император был настойчив, имея в качестве подражания поток горной реки, точащей скалы.

И вот, после тридцатилетнего игнорирования просьб и предложений, наконец это письмо. На хорошей глянцевой бумаге с красивыми завитушками, делавшими слова похожими на руны, сообщалось, что столицу империи намерена посетить делегация Вечного леса. С «рассмотрением возможности создания посольства Вечного леса в столице империи». Рассмотрением... Выходило, если читать между строк, — если им понравится.

«Что ж, примем со всем радушием. Постараемся, чтобы им понравилось. Очень постараемся. Жизнь — она того стоит! — подумал император, глядя в окно. — Сначала понравится, потом откроют посольство, а там и до целителей договоримся... Главное, чтобы это не затянулось, как у наших магов. Свяжешься — так быстрее умрешь, чем добьешься от них чего-нибудь. Конечно, куда им спешить! По четыреста лет живут! Маразматики старые».

Император скривился. Не далее как три дня назад он имел беседу с главой Верховного совета магов. Неприятную беседу. Влатий был хмур, официален, говорил сухим языком и всем своим видом демонстрировал обиду и недовольство. Что ж, он вполне имел на это право. Если подходить формально, император грубо нарушил границы сфер влияния, вторгнувшись туда, где, по устоявшимся традициям, распоряжаться он был не вправе. Да еще все так нехорошо вышло! Но кто ж знал, что так получится? По данным разведки, корпус Шайву почти в три раза превосходил численностью количество мятежников в замке. Предполагалась, что будет банальная, скучная осада, растянувшаяся на пару месяцев. Корпус «садился» на те дороги, по которым хоть как-то можно было проехать и соответственно послать подкрепление. Так что осажденные на помощь могли не рассчитывать. Насчет Терской и Аальста командованию был дан приказ, исключаяющий всякое двусмысленное толкование — беречь и охранять. Поэтому поездка для этих двоих должна была вылиться в скучное сидение в походном лагере с соответствующими бытовыми условиями. Никто и не собирался их гнать на стены. Тем более прекрасно помня важность и значимость темных магов для государства, Хайме самолично озаботился отправкой

варг им в охрану, благо первый советник, Робэрто Штольц, высказал удачную идею это сделать. Кстати, Робэрто и организовал движение документов в магической канцелярии так, чтобы они прошли «рутинными бумагами». Не случись этой внезапной атаки на Шайву, Аальст с Терской вернулись бы после осады живые и невредимые и никто бы не стал поднимать по этому поводу шум. Но не судьба! Вышло как раз наоборот. Вместо тишины — крик на всю столицу. Влатий задумку с документами понял. В разговоре как бы между делом сказал, что сменил своих секретарей, мол, больше не рассчитывайте, черный ход заколочен! По кислому лицу присутствовавшего при этом Робэрто император понял, что тот уже представляет себе, как он выстраивает новую цепочку с самого начала... Хель бы побрала этих мятежников! Как они смогли научиться пользоваться порталами? Мало того что теперь следовало опасаться появления войск в любой точке империи, так они этой атакой еще грозили нанести урон репутации императорской семьи. По столице пока циркулировали слухи только о молодом маге, то ли некроманте, то ли маге огня, который то ли вызвал, то ли заплатил душой за вызов то ли мертвых, то ли демонов для того, чтобы спасти то ли боевых товарищей, то ли возлюбленную, сражавшуюся рядом... Слухи дробились, сливались, свивались, запутывались... Император не обольщался. Опыт десятков лет нахождения на вершине власти подсказывал, что рано или поздно, но правда все равно всплывет. Однако думать о том, что по империи пойдет гулять сплетня об отправленных на смерть неугодных фаворитов детей, императору совершенно не хотелось. Дело было даже не в дворянстве и в духовенстве. Нет. Те переживут. Наматают на ус, что может случиться с неугодными, да и заткнутся. Им даже на пользу пойдет. Скромнее будут, имея подобный пример перед глазами. Тем более что Терская с Аальстом в общем-то никто, к знатым родам касательства не имеют, и горло за них рвать не будут. Поболтают да заткнутся. Силу все уважают. Но вот как объяснить случившееся Сюзанне и Динию, Хайме не представлял. Если говорить всю правду, то, значит, нужно будет им рассказать о роли их матери в этой истории. Понятно, что они на нее обидятся. И на меня тоже. Она же сочтет виновником меня... И будет скандал

за скандалом... Промолчать и взять все на себя? Тоже не хочется быть козлом отпущения.

«Конечно, в конце концов все успокоится, но нервов это будет стоить, — покачал головой император, представляя, что ему предстоит вынести. — Да и моя репутация справедливого правителя подмокнет. Угроздило же этого Аальста потерять способности! Вернись он цел и невредим, проблем бы не было! И маги с орденом не орали бы. Одни жаждут сатисфакции, другие требуют выдать им некроманта. Боги, как они мне все надоели! Каждый раз одно и то же! Может, бросить все да отдать трон старшему? Пусть правит... надо же когда-то начинать!»

Император наклонил голову и ткнулся лбом в стекло, невидяще смотря наружу.

«Нет, не выйдет, — вдохнул секундой спустя он, — не тот момент. Сначала мне нужно с мятежниками и их порталами разобраться. Потом с эльфами. А пока... пока будем дружить с магами. Как ни крути, а без них не обойтись. Без ордена можно, без них — нет. Да может, дети ничего и не узнают. Можно в качестве предупредительной меры пригласить Терскую с Аальстом во дворец. Чтобы пресечь возникновение сплетен. Наверное, так и следует сделать... Тем более что если Аальст потерял способности, то угрозы от него нет. И главное — эльфы! К началу сентября прибудет посольство. Нужно готовиться. Никто, кроме меня, этого сделать не сможет. Какой тут — на покой!»

Император глубоко вздохнул.

«What is it?» — спросил я себя, с недоумением разглядывая письмо — приглашение, в котором «...князь Эриадор Аальст имеет честь быть приглашенным во дворец на вечерний музыкальный чай». Странно...

Официальный бланк. Ничего рукой Сюзанны не приписано... «музыкальный» — это ее идея. Ее бренд. Посиделки с музицированием и распитием чая под пирожные. И она ничего мне не написала? Очень странно... И подпись какая-то незнакомая... Закорючка... Первый раз вижу... Хм... Что это может значить? То полное молчание, ни одного письма с того момента, как нас со Стефи перестали приглашать во дворец, а теперь вдруг — приглашение. Мм... Думай, Бассо, думай!

«А что тут думать? — раздался под черепом вальяжный внутренний голос. — Пошли ее — и все дела! Отличный шанс отвязаться от этой принцесски!»

«Думаешь?»

«Конечно! Лови момент! Только не буквально пошли, как дуру деревенскую, а изящно. Красиво. Как принцесс посылают».

«Это как?»

«Напиши что-нибудь про долг, самопожертвование, добавь скупую мужскую слезу, не забудь про чувства... можно даже признаться в любви... Письмо прощальное, так что не кривись. Да. Что еще туда можно кинуть? Сам как думаешь?»

«Мм... У ее папы должок есть...»

«Вот видишь! А письмецо-то вполне может удасться!»

«Это в том случае, если нас действительно услали как нежелательных потенциальных супругов...»

«А тебе не все равно? Зашвырни «дымовуху» в дом. Пока ее будут перекидывать из комнаты в комнату, пытаясь избавиться, — жильцам будет не до тебя. Ты же слышал — император подписал тебя на войну! Напрямую отомстить ты ему сейчас не можешь, а вот устроить ему разборки с дочерью — вполне! Пусть занимаются...»

«Сработает, но только если с тех пор Сюзанна ко мне не охладела».

«Что-то ты какой-то вялый стал. Помнишь, что говорят игроки на бирже? «Ничего доподлинно неизвестно до тех пор, пока не откроешь позицию». Открой. Посмотри. А поедешь чай пить — завязнешь. Так что есть шанс красиво свалить. Все равно тут делать больше нечего».

«Хм... Что-то есть в тебе... разумное...»

«Ну, спасибо. Только письмо правильно написать нужно... Можно еще картинку втиснуть... что-нибудь слезливое...»

«Хм...»

В задумчивости я дошагал до своей комнаты и, сев за стол, положил на него лист бумаги.

Итак, черновик!

«Дорогая Уважаемая Ваше Высочество!

Несказанно рад счастлив получить Ваше от Вас приглашение...»

«Что ты за хрень такую пишешь, господи прости?» (Внутренний голос.)

«М-да... неудачненько началось...»

«Больше экспрессии, больше чувства!»

«М-да?»

«Пишу тебе потому, что не могу больше молчать...»

«О! Уже неплохо».

«Из тысячи людей только твой образ запечатлен в моей памяти, только твои глаза и твоя улыбка делают мой мир ярче и светлее...»

«Добавь к слову «образ» слово «светлый»...»

«Я помню каждую минуту, которые мы провели с тобой вместе, помню, как увидел тебя в первый раз. Тогда мое сердце замерло, сраженное твоей красотой...»

«Помнится, тогда ты еще принял на грудь два бокала вина...»

«Я чуть не умер от счастья, когда ты милостиво согласилась танцевать со мной...»

«Милостиво убери. Нефиг».

«Я был счастлив, когда ты была рядом, когда я слышал твой голос, твой смех, твой запах...»

«Не, не, не! Запах тут не к месту! Замени на прекрасные глаза!»

«С той минуты, как я тебя увидел, ты всегда со мной в моих мечтах. В них мы никогда не расстаемся, мы всегда вместе... Мы проводим самые сказочные и незабываемые минуты рядом друг с другом. Принцесса, я хочу дарить тебе всю нерастраченную любовь, накопившуюся в моем сердце! Я твой. С головой. И ты со мной...»

«Стоп! Твой, с головой, со мной... — выкидывай! Перебор! Откуда ты это передираешь?»

«Из Интернета. Открыл в памяти пару сайтов».

«Ха! Хард ходячий... Закругляйся. Переходи к грустному. Хватит розового».

«Однако жестокая судьба поставила между мной и тобой непреодолимую преграду. В страшном бою, сражаясь под флагами империи, я был ранен...»

«Может быть, заменить на «смертельно ранен и умирал с твоим именем на устах?»

«...и потерял свои способности к магии. Моя жизнь разом изменилась».

«Суховато...»

«Если до этого у меня были какие-то планы на будущее и я мог претендовать на место рядом с тобой, то сейчас все иначе. Принцесса! Мне нечего предложить тебе. Я стал никем. Эриадор, которого ты знала, умер. Теперь это другой человек, калека, на руинах своей прежней жизни ищущий новый смысл бытия. У меня ничего не осталось из прошлого, и я не вижу своего будущего. Я не имею права находиться рядом с тобой, о светлая звезда!»

«Скупая мужская слеза. Неплохо. А теперь про злого папу!»

«Не знаю, так ли было необходимо твоему отцу посылать меня на это сражение, но можешь передать ему, что долг я свой выполнил, как и подобает дворянину. Надеюсь, что цена, которую я заплатил за эту победу, была не напрасной. Совсем не хочу думать, что причиной произошедшего было просто его желание разлучить нас с тобой...»

«Топорненько, но можно будет еще подшлифовать...»

«Прошу простить меня, но приглашение твое я не приму и не приеду. Мне невообразимо больно видеть ту, помыслы о которой занимают весь мой разум. Видеть и знать, что... никогда... Это выше моих сил! Прости меня, моя принцесса. Прости и прощай! В ближайшее время я покину столицу. Пойду в наемники зарабатывать на жизнь.

«А теперь клятва!»

«Я никогда не забуду тебя, Сюзанна. Твой прекрасный образ навсегда будет в моем сердце. Прощай!

Эриадор Аальст».

«Ну ничего так написал... подправить — и пойдет».

«Эри-и! Эрр-и-и-и!»

«Ну?»

«Он письмо мне прислал! Приглашение! Диний приглашает меня во дворец!»

«И?»

«Что мне делать, Эри?»

— Катастрофа за катастрофой, — пробурчал я себе под нос:

«Ладно, приходи!»

— Ты пригласил их во дворец? Аальста и Терскую?

Императрица, сведя брови к переносице, недовольно смотрела на мужа.

— Да.

— Могу узнать причину твоего решения?

— Дорогая, не злись. Причин несколько. Первое — хочу предупредить развитие сплетен о том, что императорская семья изощренным способом убивает неугодных фаворитов своих детей. Нам же не нужна такая слава, не так ли? В общем, конечно, переживем и такое, но мне бы не хотелось, чтобы подобное обсуждалось у меня в империи, а уж тем более за границей. Во-вторых, хочу, чтобы дети на меня не обиделись, если вдруг всплывет истинная причина отправки этих двоих на войну. Аальсту этот поход дорого обошелся. Он потерял способности. Вполне могу представить реакцию Сюзанны, если кто нашепчет ей на ушко, что это из-за меня...

В-третьих, мы с тобой договорились, что посмотрим, как оно будет, если их разлучить. Мне кажется, время пришло. Скоро полгода, как они перестали видеться. Пора посмотреть, что вышло из этой затеи. И в-четвертых...

— Ты хочешь, чтобы они опять встречались? — резко перебила его жена.

— Мы договорились, — император, не мигая, смотрел на жену, — дать им время. Срок вышел. Договоренности нужно соблюдать.

— А в-четвертых? — скривилась королева.

— Мне вдруг пришла в голову одна забавная мысль... Эта Терская... Судя по докладам — очень сильна. Первый курс только закончила, а уже такие результаты! А что будет, когда она выучится? Не зря же Хель ей цветок презентовала! Такой силы маг в семье... не так уж плохо... опять же, дар может детям передаваться... да и связи с магами станут крепче... Войдет в их совет... Помогут... Вот тебе и ответ на твой вопрос: «А случись что, кто Динию на помощь придет?»

Император, закончив рассуждать, глядя в угол кабинета, повернулся к жене.

— Что-о? Ты хочешь, чтобы темная вошла в нашу семью?! — Императрица наконец смогла набрать воздух и выдохнуть, поборов охватившее ее возмущение. Эта... Которая

жила вместе с Аальстом в одном фургоне? Эту проститутку?! Ты разве не читал отчеты?

— М-да.. — побарабанил пальцами по столу император. — Это она как-то зря сделала... хотя, вспоминая, как она смотрела на сына, мне кажется, что вряд ли она что-то Аальсту позволяла... Ну если только из желания отомстить. Тогда она просто дура и, значит, тем более нам нужна определенность в ситуации. Пусть встретятся и поговорят...

— Тогда я им все расскажу! Я все им расскажу! — вскочила сидевшая в кресле императрица.

— Ничего не имею против, — ответил Хайме. — Чем скорее все переругаются, тем лучше... — спустя несколько секунд пробормотал он себе под нос, оставшись один. — Быстрее все закончится. Хватит тянуть! Скандал так скандал. Переживу... Мне нужно делами империи заниматься, а не семейные дрязги разбирать...

«Может, на охоту уехать? — еще несколькими мгновениями позже пришла ему в голову заманчивая мысль. — Все одно не поработаешь... В лесу тихо... А ведь эльфы должны любить охоту! Или нет? Нужно подумать об этом... Но уж на лес-то они точно с удовольствием посмотрят! Отдохну, да и заодно посмотрю, что там у егерей? Есть что гостям показать или нет? Да! Нужно будет еще магистра Белого ордена пригласить на беседу. Как бы чего они не выкинули. Эльфы ведь не люди... Сплошные заботы!»

— Все же едешь? — спросил я Стефи, стоя рядом с ней у кареты, заложив руки за спину.

Она хмуро кивнула. Стефания собиралась во дворец. Решила расставить точки над «i». Ну решила, так решила. Заодно будет, кому ответ Сюзанне отвезти.

— Смотри, — предупредил я тогда, когда она пыталась узнать мое мнение, как ей быть, — это может быть больно. Лучше напиши, что не можешь. Занята. Голову мыть будешь!

— Голову? — свела брови к переносице Стефи, пытаясь понять услышанное. — Что за ерунда?

— Вот именно ерунда! Зато прекрасно даст ему понять, насколько ты ценишь его приглашение. И что для тебя в жизни важнее.

— Так нельзя! Он же принц... Это неуважение к императорской семье.

— Ну если ты считаешь, что использование тебя в качестве комнатной собачки, которую можно пнуть под диван, если надоела, а потом свиснуть, когда захочется поиграться, это нормально — то нет вопросов! — индифферентно пожал плечами я. — А что ты мне тогда плела в походе?

Стефания долго молчала, опустив вниз голову. Наконец она произнесла:

— Я хочу видеть его глаза. Я сразу все пойму, когда в них посмотрю...

Ну-ну, мазохистка... Письмо тебе в руки! В общем, она решила ехать.

— Что ж... Удачно повеселиться, — напутствовал я, подавая руку и помогая ей взобраться в карету.

Испорченный вечер

Небольшой полукруглый зал. Узкие окна с гардинами розового цвета. Сквозь них смотрят синие сумерки. Большой черный рояль, на котором лежат три гитары. Их грифы украшены пышными разноцветными бантами. По всему залу расставлены небольшие диванчики и банкетки с яркой обивкой. Красной, синей, зеленой. Светлые деревянные стеллажи делят пространство зала на множество уютных уголков, каждый из которых выдержан в одной цветовой гамме. У стен приткнулись два столика под белыми скатертями с легкой закуской: сыр, буженина, рыбка, свежий хлеб. Вазы с фруктами. Бутылочки со сладким ликером и прозрачного стекла кувшины с холодным фруктовым морсом. Еще один стол, сладкий, стоит уже не у стены, а по центру. На низких стеклянных блюдах несколько видов пирожных, сахарные тянучки и ириски. В зале уже есть человек пять приглашенных гостей, которые, стоя в некотором отдалении, смотрят, как хозяйка на входе принимает еще одну гостью.

— Добрый вечер, баронесса.

— Добрый вечер, ваше высочество... Добрый вечер, ваше высочество принц...

Стефания повернулась и сделала поклон вышедшему сбоку, из-за стеллажа, принцу, по всем правилам этикета привет-

ствуя высоких особ. Особы в свою очередь ответили скупыми кивками и уставились на нее, разглядывая. Во взглядах их была холодность и неприязнь.

— Прошу простить, ваше высочество, но Эриадор Аальст не смог ответить на ваше приглашение... Он просил передать вам письмо с его извинениями...

Озарившая было лицо Стефании радость потускнела, когда девушка увидела выражение, с которым Диний смотрел на нее. Нахмурившись, она протянула принцессе маленький узкий конверт. Молча приняв его, принцесса чуть кивнула и продолжила хмуро разглядывать баронессу, не спеша вскрывать послание. Стефи была в блестящих черных сапогах до колена на высоких тонких каблуках. Сверху — не застегнутая штукovina, классифицируемая Эри как «пинджак длинный, женский, до бедер», под ним — белая шелковая блузка с салатовым шейным платком, заколотым серебряной брошью с фиолетовым камнем. Черного легкого шелка широкие короткие штанишки, чуть заправленные в сапоги. Черный пояс с большой круглой пряжкой, по которой разбежалась россыпь мелких прозрачных камней, и висящий на нем, на толстой серебряной цепочке, небольшой кинжал. Тоже в ножнах черного цвета с серебряными кольцами по ним. Рукоять кинжала тоже из серебра. Плюс — строгая прическа, помада на губах и тушь на ресницах. На лацканах пиджака — значки темного и целительского факультета и орден. Стефания была в образе воительницы. А именно «боевая магесесса в строгом костюме». Отцом образа был Эри, маявшийся бездельем в промежутках между состояниями беспамятства. Стефания, получившая из имперской канцелярии деньги, положенные ей за орден, оплатила материал и работу портного. Она, конечно, понимала, что приглашена во дворец не на официальное мероприятие, а на домашние посиделки, но другого наряда, достойного того, чтобы появиться на глаза принцу, у нее не нашлось. Она заказала себе два новых платья, но ни в какое сравнение с «концепцией» Эри они не шли. Нет, они, разумеется, очень миленькие и ей весьма идут, но сейчас это было не то. Для выяснения отношений костюм с элементами мужской одежды и военными атрибутами подходил лучше. Стефания чувствовала себя в нем гораздо уверенней. Да и смотрелась она в нем... Как сказал Эри, «отпад обалденный».